

КОНСТАНТИН ТУМАНОВ

ЗАПАСНЫЙ
ВЫХОД

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Т83

Серия «Боевая фантастика»
Оформление обложки *Владимира Гусакова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Туманов, Константин

Т83 Запасный выход: роман / Константин Туманов. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2016. — 384 с. — (Боевая фантастика).

ISBN 978-5-17-096935-7

Военному фотографу Олегу Караулову становится известно о существовании портала, выходящего в глубокое прошлое. Наблюдающий в горячих точках планеты возрастающее напряжение в отношениях между Россией и США и уверенный в неизбежности глобальной войны, Олег решает: портал может стать запасным (то есть аварийным или экстренным) выходом для многих людей. Рассчитывать приходится только на свои силы и ресурсы. Но зато там Юго-Восточная Африка. Еще не открытые европейцами Трансвааль и Кимберли. В ходе разведки становится ясно, что на той стороне 1760 год. Близится золотой век Российской империи. А с помощью новой, «африканской России», способной контролировать морские пути в Индию, можно привести Российскую империю в число по-настоящему великих держав.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-096935-7

© Константин Туманов, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Пролог

Выбраться из ущелья оказалось не так-то просто. Сляющиеся, покрытые мхом и лишайниками каменные склоны выдавали весьма преклонный возраст местных гор. Подъем по большому счету не настолько и крут, чтобы по нему сложно стало взбираться. Тем более имея за плечами немалый опыт горных восхождений. Вот только густые заросли какого-то колючего кустарника настолько опутали все вокруг, что путь превращался в какой-то непрерывный подвиг. Кусты оказались высокими, практически по грудь, с маленькими темно-зелеными листьями и многочисленными меленькими колючками.

Дно ущелья и вовсе можно только нащупывать ногами среди этого зеленого моря, колышущегося под дуновением теплого, явно не осеннего ветерка. И запах... Такой неуловимо знакомый, что хотелось зарычать от невозможности его вспомнить. Разбросанные тут и там в хаотическом порядке большие и малые булыжники сразу превращали движение вниз по распадку в замысловатый акробатический номер с предсказуемым неприятным результатом. Идти пришлось вверх: видневшийся вдали гребень хребта, по крайней мере, таковым он казался снизу, прямо-таки манил чистыми от злобредной растительности скалами.

— М-да. Мечта мазохиста. И ведь придется лезть. Тут даже нож не поможет, газонокосилка нужна. О, бензопила, точно. «Дружба» тут быстренько демократию бы навела, с плюрализмами. Всех под один гребешок уравнила бы...

Привычка мысленно разговаривать самому с собой у меня появилась еще с Афгана. Тогда пришлось почти неделю прятаться в полузаброшенном кяризе — древнем рукотворном русле подземного ручья. Одно хорошо — воды там было много. Даже слишком. Потом еще дней десять ночами выбираться почти по гребням горных хребтов, выше найденных местными «товарищами» тропинок, в населенные более-менее дружественными племенами места. Пусть страшно медленно, зато безопасно. Почти.

Нет, я, к счастью, не воевал в советские времена в составе ограниченного контингента. Для этого был слишком молод. Побывать там пришлось гораздо позже и даже дважды. К счастью, только та командировка выдалась настолько «интересной». Одни лишь воспоминания о ней заставляли организм непроизвольно передергиваться, будто единым духом грамм двести сивухи жажнул. Из развлечений все это время — только неслышные внутренние монологи. В основном матерные.

Даже единственный оставшийся к тому времени целым фотоаппарат превратился во временно бесполезный предмет. Возможности зарядить аккумуляторы к нему не представлялось уже удручающе давно. Правда, до того, чтобы болтать вслух, дело все же не дошло. К счастью, до маразма пока далеко.

Мысленно поминая всеми известными мне нецензурными словами кусты, сквозь которые приходилось буквально продира́ть себе дорогу, и всех возможных родственников этой растительности по материнской линии, я принялся постепенно продвигаться вверх по склону. Здравомысленно рассудив, что захваченную с собой в это путешествие легкую куртку жалеть не стоит, все равно ее теперь только выкидывать, сосредоточился на движении. И на том, чтобы не цеплять ветки стволом предусмотрительно взятого у отца охотничьего карабина «Форт-205». Внешне практически неотличимый от настоящего армейского «калашника», он был почти привычен. Именно из «калаша» в армии в свое время и учился стрелять. Хотя, по возможности, старался в своих «путешествиях» по горячим точкам обходиться без применения стреляющих «игрушек». У меня другое оружие. «Убойность» у него временами похлеще огнестрельного.

Кофр с вполне современным полупрофессиональным «Никоном» и компактной японской видеокамерой висел за спиной, под рюкзаком, и в общем-то не мешал смотреть под ноги. Обидно было бы пропустить «живой» камень, готовый в самый неподходящий момент сдвинуться с места. Горы не любят невнимательных. И ошибок не прощают.

Через каждые несколько шагов приходилось на долю секунды замирать и окидывать боковым зрением окрестности. Привычка, вбитая в подкорку мозга несколькими приятелями из спецподразделений, с которыми время от времени приходилось пересекаться в командировках. Она уже пару

раз спасала мне если не жизнь, то здоровье точно. Так что пренебрегать мерами безопасности я не собирался. Тем более находясь в одиночку в совершенно незнакомой местности. Бог его знает, какие неприятные сюрпризы могут таиться в этом, на первый взгляд идиллически мирном, пейзаже. Шаг. Еще шаг. Раздвинуть ветки, поднырнуть. Выпрямиться, оглядеться. Новый шаг. Беречь дыхание. Заречься курить. Шаг.

Спустя примерно час такого неторопливого подъема зловредный кустарник начал понемногу редеть. Идти стало заметно проще, что не замедлило сказаться и на темпе. Несмотря даже на то, что крутизна склона стала понемногу увеличиваться. Вскоре заросли буйной темно-зеленой растительности и вовсе отступили, оставшись за спиной. Дальше было зеленое царство вольготно раскинувшихся на скалах мхов и лишайников самых разнообразных оттенков.

Судя по тому, как они крошились под подошвами тяжелых берцев, дождями эту местность погода давно не баловала. Как минимум пару недель, все же солнечная сторона подсыхает быстрее. Что тоже не могло не радовать: поскользнуться на напоенных водой естественных губках было бы проще простого. Растяжение, ушиб, или не дай Создатель, перелом — штуки, мягко говоря, не очень приятные. Проверено, к сожалению, на себе, любимом. Тем паче что пришлось бы как-то возвращаться и отложить разведку этой местности на неопределенный, но явно продолжительный срок. Чего категорически не хотелось. Любопытство исследователя, эдакий зуд первопро-

ходца, подстегивало не хуже кнута надсмотрщика на галере.

Впрочем, так было всегда. Именно это чувство, а также страстная жажда путешествий заставили много лет назад увлечься горным туризмом. А врожденная авантюристская жилка вкупе с увлечением фотографией определили выбор профессии, которую так и не одобрили родители. Государство, любое государство, тоже всегда относилось к таким, как я, мягко говоря, без всякого энтузиазма. Регулярные фоторепортажи стрингера, то есть независимого военного фотографа, Олега Караулова, из горячих точек по всему миру показывали неприглядные картины войны без прикрас и купюр, столь любимых чиновниками. Мои снимки чаще всего не требовали ни комментариев, ни подписей. Они весьма красноречиво говорили сами за себя. А готовность редакций ведущих газет и журналов платить вполне солидные гонорары позволила со временем обрести некую финансовую независимость. И подолгу отдыхать, приходя в себя после новой командировки на очередную никем не объявленную войну.

— Ага. Вот, похоже, и подъем заканчивается. А теперь, как говорит дядя Ленья — приз в...

Фраза так и осталась незаконченной. Открывшееся за скалой зрелище оказалось настолько неожиданным, что я только через несколько секунд осознал: тарашиться на открывшийся передо мной вид с открытым ртом, остолбенев с уже занесенной для шага ногой — занятие малопродуктивное.

— А вот и оно, ёперный театр, «дерево»... Точнее целые джунгли этих самых деревьев.

Часть 1

ЧТОБЫ ВЫ ЖИЛИ В ИНТЕРЕСНОЕ ВРЕМЯ

Глава 1

Я лежал на любимом продавленном диване, задрал свои длинные ноги на спинку, и пролистывал очередную книгу. Выцветшая когда-то черная футболка с физиономией Курта Кобейна, синее трико самого затрапезного вида и китайские тапочки... Все вполне сочеталось со стареньким, выдавшим виды поцарапанным планшетом. Нет, конечно, можно приобрести себе в компьютерном салоне что-то поновее, помощнее и явно более красивое. Но привычка к старым, давно ставшим привычными вещам не оставляла обновкам ни одного шанса. Тем более, вернувшись недавно из очередной командировки, я не был настроен в ближайшее время покидать не только квартиру, но и, собственно, облюбованный диван.

С экрана плазменного телевизора, висевшего на стене напротив, что-то вещала очередная крашенная блондинка: шел выпуск новостей. Вот только что именно опятьстряслось в безумном внешнем мире,

для меня так и оставалось тайной — звук был выключен. Но и тишины в комнате не наблюдалось. Мягко говоря. На столе, отблескивавшем прямо за диваном темным матовым лаком, стоял раскрытый ноутбук. Подсоединенные к нему мощные колонки исторгали рев тяжелого рока, заставлявшего вибрировать даже штукатурку на потолке. Хрипели басы, но необходимость настройки проигрывателя меня нисколько не беспокоила. Музыка — всего лишь фон, который мозг едва ли вообще замечал.

Да и книга Лоис Буджолд, страницы которой регулярно мелькали на экране планшета, не могла претендовать на полное и безоговорочное внимание. Собственно, я и так прекрасно знал ее всю, до последней строчки, поскольку читал как минимум дюжину раз. И ничего странного в этом не видел. По моей собственной классификации, произведение принадлежало к «разряду» классики фантастического жанра. Я уже давно наслаждался не столько сюжетом, сколько слогом автора (и хорошего переводчика) и грандиозностью ее задумки, изяществом воплощения идеи. И то, что далеко не все разделяли мою любовь к этой книге, не делало ее менее интересной.

Ощущение покоя, практически nirваны, не прервал даже низкий звук сотового телефона. Виброрежим заставил аппарат немного поерзать по гладкой, полированной поверхности стола, но я даже руки к нему не протянул. Экран в последний раз подмигнул надписью «Имеются пропущенные звонки» и погас. Судя по настойчивости неизвестного абонента, явно ненадолго. Телефон, выдавая виды

«Нокия» с широким экраном, был включен час назад и за столь короткое время уже трижды добивался внимания к себе. И это удивительно само по себе. По идее, никто вообще не должен знать, что я вернусь сегодня. Еще утром сам об этом не подозревал, и, если бы не подвернувшаяся оказия с транспортом, двери своей квартиры в пригороде Питера я открыл бы только завтра. Даже отцу, отставному военному, не сообщил о прибытии. Знал, что тут же последует приказ бросать все дела и приезжать. Противостоять напору бывшего полковника даже теперь, после его выхода на пенсию, было непросто.

От лениво текущих размышлений о личности несостоявшегося собеседника меня отвлек собственный организм. Недвусмысленно напомнивший: стоявшая возле дивана полулитровая кружка для чая опустела не сама по себе. Два раза. А если кому-то все же лень встать, то водичка дырочку все одно найдет. Столь категоричное предупреждение проигнорировать оказалось уже никак невозможно, так что пришлось с кряхтением подниматься. Шевелиться лень было уже давно, и тело несколько затекло.

Посетив место для размышлений и выйдя на кухню, нажал кнопку включения на электрочайнике. Раз место в организме освободилось, его можно было наполнить снова. Мысли же приняли более упорядоченный вид и принялись виться вокруг так некстати появившегося вопроса — кто же все-таки звонил.

Расточая аромат настоящего, а потому крепкого чая, кружка снова устроилась на своем месте у дивана, прямо под правой рукой. Вновь засветился экран планшета, однако телефон решил-таки помешать на-

сладиться чтением. Несколько раз пискнув сигналом приема sms-сообщения, он недвусмысленно подмигнул и снова погас.

— Выключить его, что ли? Достал уже, самка собаки, хуже горькой редьки. Хотя...

Сообщение обещало предоставить больше информации для размышления, чем пропущенные звонки неизвестного абонента, и аппарат все же оказался в руках. Привычными движениями я набрал пароль, и мои брови от удивления поползли вверх. Вопрос о том, как звонивший узнал о моем приезде домой, снят. Естественно, что в соседней квартире играющую на всю громкость музыку слышно хорошо. Если уж в наших «панельках» слышно, как соседи огурцами хрустят... Но вот помешать Виктору Викентьевичу Третьякову, живущему этажом выше уже не один десяток лет, она вряд ли могла.

Работавший когда-то в одном из закрытых НИИ пенсионер вообще редко выходил из дома, занимаясь своей любимой наукой. Вечно погруженный в размышления, старик мог не услышать собеседника, стоящего прямо напротив него, а не то что музыку через бетонные перекрытия. И, сколько я себя помнил, никогда не жаловался ни на какой шум, сколько бы децибел не исторгали колонки.

Зато пришлось ломать голову над новой загадкой: что понадобилось отставному физику. Нет, отношения у нас сложились нормальные. И в гостях у него много раз сиживал, поболтать о науке да чайку попить я любитель. Да и само общение с Виктором Викентьевичем было делом интересным. Практически энциклопедические знания делали его весьма

и весьма незаурядным собеседником. Одно в этой ситуации было плохо. Проиигнорировать сообщение было нельзя, очень уж не хотелось обижать старика. И сделать вид, что никого нет дома — тоже не получится: Кипелов во всю мощь динамиков орал песню, теперь о леснике.

Бросив полный сожаления взгляд на исходящую паром кружку с любимым чаем, я принялся переодеваться. Потертые домашние джинсы, приличного вида футболка, новые носки — явно придется разуваться. Из-за минутного разговора старый ученый не добивался бы встречи так настойчиво. Можно, конечно, пойти и в чем был, тут-то подняться всего на один этаж. Но этого человека я уважал, и появляться перед ним в любимых, но застиранных «трениках» как-то не хотелось.

Недолгий подъем по лестнице закончился перед явно недавно окрашенной в утилитарный коричневый цвет, но старой, еще советской, дверью. Нажав на пластмассовую кнопку звонка, я приготовился к долгому ожиданию — пенсионер передвигался не то чтобы с трудом, но и не быстро. Однако не на сей раз. Хозяин квартиры, казалось, стоял прямо за дверью — настолько быстро он ее распахнул.

— А, Олежек, заходи, заходи. Небось, от чая тебя оторвал?

— Все-то вы знаете, Виктор Викентьевич, — я приветливо улыбнулся и прошел в квартиру, повинувшись жесту хозяина.

— И когда приехал и что делаю, все известно.

— Трудно не догадаться, что ты уже дома. Рев того, что вы, молодежь, называете музыкой, поло-

вина подъезда слышит. А про чай и гадать не нужно. Ты его в таких количествах поглощаешь, что мне, старику, страшно становится. И твою «сиротскую» кружечку я тоже видел, так что Нострадамус тут совсем не нужен. Пойдем на кухню, чем-то новеньким порадую. Знакомого в Китае хорошие люди угостили, он и поделился чуть-чуть. Ты такое вряд ли пробовал. Ну и поговорим заодно.

В маленькой кухоньке, не больше шести «квадратов», как всегда чисто и опрятно, хотя я знал точно — женщин в этом доме нет уже лет десять. С тех пор как старый ученый овдовел. Сам же я имел исконно холостяцкую привычку — мыть посуду перед едой, а не после. Но аккуратистов всегда уважал как человек, сам к такому подвигу заведомо не способный.

Усевшись на свое излюбленное с юности место — между холодильником и столом, — я с удовольствием начал наблюдать за священнодействием приготовления чая. Праздной болтовни, по нашему общему мнению, эта процедура не терпела, так что в помещении на несколько минут установилась тишина, прерываемая лишь тонким звяканьем фарфоровой посуды и сиплым дыханием хозяина квартиры.

Вскоре по дому поплыл аромат свежесваренного чая, и явно не того, что продается в магазине за углом. Несколько минут мы оба наслаждались напитком, а потом пенсионер решительно отставил чашку и откинулся на спинку обитого кожей стула.

— Все еще читаешь фантастику?

Удивленный столь необычным началом разговора, я лишь молча кивнул.